

Хагун Рубз

Ханна
Хенсен

Надин Ривз Ханна Хенсен

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19394223

ISBN 9785447497378

Аннотация

Жизнь Ханны – это работа в баре, стихи свои и чужие, рок-музыка, ожидание возвращения матери, друзья – Свен и Ингрид. И еще есть Хольгер. Он занимает особое место в жизни Ханны. Их история на грани любви и дружбы. Их миры прочны и хрупки. Пройдет ли любовь? Останется ли дружба?

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

33

Ханна Хенсен

Надин Ривз

© Надин Ривз, 2016

© Александр Маяков, дизайн обложки, 2016

© Алессио Альби, фотографии, 2016

ISBN 978-5-4474-9737-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Она сидит в полумраке, и слушает «Pennyroyal Tea». Чуть глуховатый тягучий голос Курта растворяет весь мир, оставляет висеть в пустоте на волнах звука. Ей нравится это ощущение. Существование на нитях музыки, она как электрический ток проходит сквозь тело, оживляя его, душу, чувства.

А именно эта песня, то, что нужно ей сейчас, она как отражение. Песни-друзья – это то, что рядом всегда, несмотря на погоду за окном и твое общее состояние, музыка даст то, что ты хочешь, то, что ты любишь.

«Sit and drink Pennyroyal Tea
Distill the life that's inside of me
Sit and drink Pennyroyal tea
I'm anemic royalty»¹

¹ Сiju и пью мятный чай, Очищаю жизнь, что внутри меня. Сiju и пью мятный чай, Я бескровный принц... (песня группы «Nirvana», перевод http://www.amalgama-lab.com/songs/n/nirvana/pennyroyal_tea.html)

Ханна тихо подпевает, раскачивается в такт музыке. В мире больше ничего нет, кроме нее и микроволн, способных взрывать сознание, взрывать мир. Очищение. Ее внутреннее каждодневное очищение от самой себя.

Мир резко становится прежним – осязаемым, осязаемым, с четкими контурами. Вязкие волны исчезают. Что-то внешнее проникло в пелену блаженства. Телефон. Звонок – другая музыка.

– Привет, мам! – отвечает Ханна.

– Привет, – голос Эрики звучит спокойно и мягко. – Чем занимаешься?

– Растворяюсь в музыке, вернее, растворялась.

– Я помешала?

– Немного. Как ты?

– Все нормально. Провела две операции на одном человеке.

– Что так?

– Женщину сбила машина, – отвечает Эрика. Ханна слышит легкий щелчок зажигалки.

– Она будет жить?

– Думаю, что да, хотя состояние тяжелое. Она немолодая и толстая.

– Кто она?

– Вроде бы она работает секретарем в какой-то фирме, обычный человек.

- Сидячая работа, все понятно, не привыкла быстро переходить улицу, – заключила Ханна.
- Она пошла на красный свет.
- Значит еще и дура. Толстая старая дура. Может, стоило дать ей умереть? – Ханна листает плейлист, отмечая, что половину из скачанного не слушает.
- Ханна! – строго оборвала Эрика.
- Ладно, извини.
- Я скоро приду домой.
- Как скоро? – Ханна смотрит на часы, уже почти девять.
- Выкурю сигаретку, надену пальто и еду домой. А еще заеду в магазин.
- Чтобы почувствовать себя хозяйюшкой?
- Все время пытаюсь понять Бригитту, – улыбается Эрика. – И кстати, интересно, я также очаровательно-трогательная с кучей пакетов наперевес?
- Мам, просто божественна! Еще к пакетам вязаную шапочку и дешевый пуховик и ты будешь еще неотразимей.
- Эрика рассмеялась.
- Ладно, Ханна, жди меня. Помой посуду и вынеси мусор, и сделай вид, что дома прибирались меньше месяца назад.
- Ок. Сегодня я добрая.
- Это хорошо. Пока!
- Пока!

Эрика позвонила в дверь, Ханна сразу же открыла.

– Я видела, как ты подъехала, – сказала она, принимая пакеты с продуктами.

Эрика скинула обувь и пальто, и прошла за дочерью на кухню. Сев на стул, она попросила кофе.

– На работе противная жижа из автомата. Иногда растворимый из банки.

– Знаю, пробовала, – ответила Ханна, включая кофеварку.

– Через неделю я уезжаю, – тихо сказала Эрика, избегая смотреть на дочь.

Ханна усмехнулась. Она уже привыкла к этому. Эрика Хенсен уезжает с организацией «Врачи без границ» в страны четвертого мира, спасти людей. Благородно и глупо, но Эрика совсем не глупая, она гениальный хирург и она хочет помогать людям. Но Ханна не считает тех людей представителями человеческой расы, для нее они промежуточное звено между человеком и обезьяной. Ханна боится, что мама может не вернуться из такой «командировки». Ей наплевать на тех людей, и где-то в глубине сознания она соглашается с тем, что может среди них есть те, кто достоин жизни, но не в те моменты, когда жизнь ее мамы в опасности.

– Надолго? – равнодушно спрашивает она.

– На три месяца, – она задумчиво смотрит на кофе в чашке, будто пытается там что-то увидеть.

Ханна присвистнула. На показ и с вызовом.

– Я боюсь за тебя, – сказала она после.

– Все будет хорошо, – ответила Эрика. – Ты знаешь это,

и я знаю. Ханна, мир не ограничивается Швецией, и твоим личным миром с его проблемами.

– Доброе, чистое, вечное.

– Мне нужно это, мне нужны эти попытки сделать мир лучше.

Эрика замолчала. Ханна тоже. Кофеварка фыркнула последний раз и выключилась.

Все как всегда. Разговор как на повторе. Зачем? Для порядка нужно повторить, чтобы не забыть.

– Я не альтруист, не понимаю тебя, – Ханна разлила кофе по чашкам.

– Просто прими.

– Я стараюсь.

Ханна поставила кофе на стол.

– Спасибо.

– Из еды у нас вчерашняя картошка с грибами.

– Я не хочу есть.

Ханна села рядом. Эрика закурила.

– Подай пепельницу.

Ханна подвинула к матери стеклянную пепельницу с чуть сколотым краем.

– Можешь пользоваться моей машиной, – Эрика аккуратно стряхивает пепел.

– Я ее продам, пока тебя нет, и куплю себе байк, – отвечает Ханна, с чуть заметным вызовом.

– А я вернусь, продам твой байк, и куплю машину, – улы-

бается Эрика.

Жизнь Ханны – это работа в баре, стихи свои и чужие, рок-музыка, ожидание возвращения матери, друзья – Свен и Ингрид. И еще есть Хольгер. Он занимает особое место в жизни Ханны. О его существовании знает только Эрика. Свен и Ингрид в принципе тоже знают, что в жизни Ханны есть Хольгер, но считают, что он всего лишь фантазия Ханны Хенсен. Ибо Хольгер очень совершенен для Ханны, чтобы быть реальным мужчиной. Она и сама называет его своей фантазией. Он словно вышел из воображаемого мира Ханны, сотворился из ее сумасшествия, стихов, любимых книг и музыки. Он не похож на друзей Ханны, он не похож и на саму Ханну, он другой и он ее друг. Притянувшаяся противоположность.

Самолет взлетел, плавно набирая высоту. Ханна стояла у здания аэропорта, не зная, что делать. Идти домой? Или погулять по городу? Каждый раз, когда мама улетала, Ханна чувствовала некую опустошенность. Сильная связь. Ханна не маленькая девочка, не подросток, но сам факт того, что мама где-то рядом делал ее увереннее и сильнее.

Ханна посмотрела на небо – самолет улетел. Редкие облака медленно плывут, расплзаются и собираются в мягкий облачный узор. Небесная сладкая вата.

«Все в порядке», – говорит она сама себе.

Не стоит никому объяснять, что чувствуешь, и что происходит. Беспокойство – удобное чувство. Оно многое оправдывает и скрывает. Завтра Ингрид или Свен спросят: «Что с тобой?» А Ханна ответит: «Мама улетела с „Врачами без границ“ в какую-то глушь. Беспокоюсь за нее». И это всех устроит.

В конечном итоге Ханна идет домой.

Дома еще витает запах духов Эрики. Пахнет кофе и сигаретами. Ханна улыбается. Все это составляющие ее уюта. Но духи скоро выветрятся. Останется кофе.

Она проходит на кухню, выбрасывает окурки в мусорницу, садится на стул. Что-то нужно сделать. Просто так. Чтобы не сидеть тупо на кухне, думая ни о чем.

Впереди еще один выходной.

Музыка.

Всего лишь телефон в кармане куртки.

«Хольгер».

Она улыбается.

– Привет!

– Привет, Ханна! Все нормально? – его голос всегда спокойный, но его нельзя назвать бесцветным, он приглушенных мягких цветов.

– Нет, не все. Мама уехала с «Врачами без границ». Я тебе говорила..., – она замолкает.

– Помню. Ты где сейчас?

– Дома. Где я еще могу быть?

– Ты можешь быть где угодно, – смеется он.

– И ты тоже, иначе бы мы не познакомились никогда.

– Я нашел тебя, Ханна.

– Это твое заблуждение.

– Не буду с тобой спорить, фрёкен Хенсен. Собирайся, через полчаса заеду за тобой.

– Куда мы едем?

– Выедем за город, и на бешеной скорости вперед – не важно куда. Ты же этого хочешь?

– Да. И ты тоже.

– Иначе бы не предложил. Ну, так, что? Собирайся и выходи. И оденься на всякий случай теплее, вдруг я увезу тебя в Кируну.

– Я завтра работаю.

– Хорошо, тогда обойдемся без Кируны.

Два года назад.

Ночь подходит к концу. Посетители рок-бара разошлись по домам, за исключением нескольких человек, так сказать

завсегдаев. Ханна уже не обращает на них никакого внимания. Они для нее как часть интерьера, в них нет ничего необычно ни во внешности, ни в поведении. И то, что они сидят до закрытия не делает их уникальными.

Ханна стоит спиной к стойке. Смотрит на стеклянную стену из различных бутылок и ждет когда пройдет еще час и можно уйти с работы домой. Она пойдет пешком до Бельмансгатан. Войдет в свой дом, поднимется на этаж, зайдет в квартиру, примет душ и провалится в сон....

Хольгер предрассветный посетитель рок-бара. Дорогой классический костюм не говорит о нем ничего и в тоже время все – зашел от безысходности. Может и любит рок, но не настолько, чтобы заходить в рок-бар.

– Девушка, виски, пожалуйста, – обращается он к Ханне.

Ханна молча наливает ему виски, и, подав стакан, отворачивается.

– А как же душевная беседа посетителя и бармена?

Ханна повернулась, молча поставив на стол табличку с надписью «Излить душу бармену – 5 евро», «Флирт с барменом – 15 евро» (только с Йоке) – идея такого «эксклюзив-прайса» принадлежит Йоке, коллеге Ханны, ценное дополнение о том с кем можно флиртовать – Ханне.

Ханна снова отвернулась. Да, она устала. И еще у нее нет ни желания, ни сил говорить с предрассветным посетителем.

– Девушка, возьмите! – он дотронулся до плеча Ханны.

Ханна оглянулась. Он протягивал ей пять евро, кивая

на «экслюзив-прайс». Девушка полностью развернулась к нему и облокотилась на стойку, внимательно глядя в глаза.

– Хольгер! – он протянул ей руку. Ханна едва дотронулась до его пальцев. Он улыбнулся. Ханна нет. Она изучала его внешность: темно-русые волосы, карие глаза, телосложение – не тощий, но и не качок. Одет в классический костюм, похоже не дешевый. Хотя кто знает? Ханна не слишком разбирается в мужских костюмах и их стоимости. Хольгер выглядит эффектно, красиво. И в рок-бар его занесло от безысходности. Ему не идет атмосфера и интерьер бара. Особенно если учитывать грязный пол и мусор. Хольгер выглядит чужим.

Безысходность – снова проноситься в голове Ханны.

Ханна смотрит на себя со стороны. Бледная кожа, прямые темные волосы, зеленые глаза – тени черные, ресницы тоже; одежда – белая майка-алкоголичка и черные штаны «под кожу», клепаный ремень, на запястьях браслеты из «Rock Zone».

Контраст.

Ханна пытается оценить свой внешний вид глазами Хольгера. Ничего необычного для девушки-бармена из рок-клуба.

Хольгер улыбается ей как старой знакомой. Безысходность. Слишком много безысходности.

– Сегодня необычная ночь, – говорит он.

Девушка слегка пожимает плечами, мол, не знаю –

не знаю, кому как.

– Можно узнать твое имя?

– Ханна.

– Красивое имя.

Ханна снова пожимает плечами.

– Можно включить Курта «Smells Like Teen Spirit»? – спрашивает он.

– Не вопрос! – Ханна улыбнулась.

– Наконец-то ты улыбнулась!

– Вам от этого стало лучше?

– Немного.

– Рада за вас.

– Интересно как музыка способна все и всех объединять, – задумчиво произносит он.

– И собирать твое собственное тело из кусков воедино, склеивать осколки...., – Ханна замолчала.

– Что? – он смотрит на нее с интересом.

– Потеряла мысль, – на самом деле просто передумала говорить. Кто этот человек, чтобы говорить ему о своих ощущениях в музыке?

– Для меня сегодня была особенная ночь, потому что я пропустил одну встречу. Долго ждал этой встречи и в итоге забил. Прошел пешком половину города. Как будто погрузился в реку воспоминаний.

Он смотрит прямо перед собой. На стеклянную стену из бутылок.

– Вот оказался здесь, – он посмотрел на Ханну. – Почти случайно. Знаешь, все в моей жизни было не случайно, все результат моего осознанного выбора и целенаправленных действий. Но сюда я пришел случайно, будто меня кто-то вел.

– Дух Курта, – еле слышно говорит Ханна.

– Что?

– Курт Кобейн.

– Может быть.

Ханна вытаскивает из пачки сигарету. Роняет ее на стойку. Сигарета в середине чем-то смочилась, может водой, может, чем покрепче. Щелчок зажигалки. Затяжка. Еле слышный треск табака и прочей дряни. Она выпускает дым в потолок. Хольгер наблюдает за ней с интересом. Снова затяжка – те же звуки, те же действия. Затяжка. Мокрая бумага горит с отчетливо слышимым шипением. Ханна криво улыбается. Она не смотрит сейчас на Хольгера. Она на мгновение забыла о нем и о том, что она на работе. Во внешнем мире играет музыка «Nirvana», в голове Ханны звучит ветер. Вчерашний ветер. Вчера было ветрено. И поток воздуха ударился в окно и выл от боли.

Она не смогла бы объяснить, отчего в голове зародился голос ветра.

Докурив, Ханна бросила взгляд в зал. Никого. На часы – пора домой. На Хольгера – от него исходит какое-то тепло вперемешку с виски и потухшей безысходностью и его жалко

прогонять.

– Пора закрываться?

– Да.

– Спасибо.

– За что?

– За приятное общество.

Он расплатился за виски и пошел к выходу.

– Smells Like Teen Spirit, – сказала зачем-то Ханна.

– Именно, – улыбнулся Хольгер.

Следующая встреча, потом еще одна – они уже болтали как старые знакомые, о музыке, кино, литературе. Ханна рассказывает о том, как чувствует музыку, он – как чувствует людей. Она показывает ему свои стихи, какие-то записи в прозе. Он находит их интересными и просит, чтобы она писала еще.

Эрика уезжает. Хольгер забирает Ханну к себе в домик в Кируну. По дороге она молчат, слушают музыку. Иногда Ханна подпевает иконам рока, за что получает еще и комплимент по поводу голоса. Спрашивает, почему она сама не поет в том клубе. Ханна пожимает плечами.

Ханна говорит, что ей легко с ним, потому что умеет не только говорить умные вещи, но и умно молчать. Молчание тоже музыка, музыка тишины и ее Ханна тоже любит. Как выяснилось и Хольгер тоже.

Машина мчится по ночным улицам. Пустые улицы прекрасны. Ханна улыбается.

– Лучше? А то ты грустила.

– Лучше, – отвечает Ханна. – И то, что я немного грустная это нормально.

– С одной стороны да, – соглашается Хольгер. – Но ты же понимаешь, что она все равно бы поехала.

Ханна кивнула:

– Смысл жизни.

Типичное начало разговора после отъезда Эрики.

– Буду присматривать за тобой. Чтобы ты ничего не натворила до возвращения Эрики.

Ханна смеется.

– Согласна. Хотя, что я могу натворить?

– Да, что угодно. Уехать с едва знакомым человеком к черту на рога.

– Этим человеком был ты. Единственный человек, с которым я уехала к черту на рога, – улыбается Ханна, глядя в окно.

– Чувствую себя избранным.

– Может быть. Да, ты избранный и необычный. С тобой можно молчать, и при этом мы понимаем друг друга.

– Сколько мы знакомы?

– Два года, – говорит она, поворачиваясь к Хольгеру.

– Неужели? Мне иногда кажется, что я только вчера пришел в тот бар в первый раз.

– Что-то у нас пошла грустная тема. Еще немного и я заплачу.

– Не надо, а то я выпрыгну из машины.

Ханна смеется.

Ей легко с Хольгером. С ним спокойно, волнительно, иногда страшно на уровне подсознания. С ним можно молчать, читать стихи, слушать музыку, цитировать великих мертвых. С ним можно быть собой, не притворятся что что-то интересно, если это не так.

Хольгеру с Ханной не одиноко. Она наполняет его жизнь светом. Не ярким солнечным светом, а светом луны. Свет луны может быть теплее солнца. С Ханной свободно и интересно. Она умеет слушать и слышать. И принимает его дружбу, не требуя чего-то большего.

Ханна как кошка. Может он приручил ее, может она его. Девушка из рок-бара. Девушка из благополучного района Стокгольма. Девушка со своими взглядами на мир. Девушка с песнями Курта Кобейна в голове.

Хольгер и Ханна не любовники, не парочка, пытающаяся построить любовь на соплях, они – друзья. Это странно и не реально для этого мира. Они общаются, вдвоем ездят в Кируну. Но между ними нет, и не было физической близости. В этот факт никто бы никогда не поверил. И это еще

одна из причин, почему друзья Ханна считают Хольгера ее фантазией.

– Зайдем в кафе? – предложил он.

– Я не против.

Они остановились рядом с кафе, в одном из спальных районов. Уютное, малолюдное местечко, пропахшее выпечкой и кофе. Они заказали пиццу и кофе.

Ханна написала сообщение маме. Ответа не пришло.

– Все нормально? – спросил Хольгер, дотронувшись до ее руки.

– Да. Она не ответит. Она позвонит через три дня. Так всегда.

– Так всегда, – кивнул он. – Помнишь прошлое Рождество в Кируне?

– Да. Я прочитала Канта.

– И безбожно ругала Шопенгауэра, – он улыбнулся.

– В некоторых вещах он конкретно не прав. Ты приучил меня к философии.

Хольгер улыбнулся. Ханна на мгновение задумалась, но быстро пришла в себя, решив обдумать улыбку Хольгера и «то самое высказывание» Шопенгауэра потом. Например, по дороге к отцу.

Дальше они молча ели пиццу и пили кофе. В молчании смотрели на улицу сквозь заледеневшее окно.

– Делай что хочешь, но завтра вечером мы едем в Киру-

ну, – нарушил уютное молчание Хольгер. – Хочу тебе кое-что показать.

– Не могу. Работаю, – ответила Ханна с сожалением в глазах.

– Подменись. Завтра мы едем в Кируну. Я заеду за тобой в шесть часов.

Ханна задумчиво уставилась в пол. Она думала, что скажет завтра сменщице.

– Ну что? – он потрепал ее по руке.

– Завтра едем в Кируну, – пробормотала она, жуя пиццу.

– Отлично!

Машина остановилась у дома Ханна.

– Спасибо за все. Пока!

– Спокойной ночи, Ханна!

Ханна вошла в подъезд и остановилась, прислушиваясь, как отъезжает от дома машина Хольгера.

Она поднялась на свой этаж. На лестнице сидел Свен.

– Привет! – сказала Ханна, не без удивления в голосе. –

Что ты тут делаешь?

– Привет! Я звонил тебе пять раз, трубку ты не берешь.

Дома тебя тоже не оказалось.

– А что случилось?

– Со мной ничего. Я беспокоился о тебе.

– Я была с Хольгером.

– В смысле была с Хольгером? – недоверчиво переспросил он.

– В прямом. Мы катались по городу, а потом ели пиццу в кафе.

Ханна открыла двери, проходя внутрь и приглашая жестом Свена.

– Романтично, – мрачно буркнул Свен.

– Ревнуешь? – засмеялась Ханна.

Свен фыркнул.

Его отношение к фантазии Ханны было неопределенным, то ему было все равно на него, то он и вправду ревновал ее к Хольгеру, то старался подколоть ее тем, что Хольгер фантазия.

Свен был влюблен в Ханну, но Ханна воспринимала его только как друга. А он сказать что-то о своих чувствах не мог. Что-то мешало это сделать, какая-то сила не давала сказать ему «Ханна, ты мне нравишься не как друг, и я бы хотел, чтобы ты была моей девушкой». Хотя бы так, неуверенно и коряво. Но Свен не мог ничего сказать. Его внимание и забота – проявление дружбы. Все.

И ему очень хотелось, чтобы Хольгер оказался бы просто фантазией Ханны. Глюком, проявившимся после ночи работы в баре, на фоне жары, сигаретного дыма и рок-музыки.

– Как у тебя дела? – спросил Свен, проходя в комнату.

– Нормально. Уже лучше. Завтра....

Ханна замолчала.

– Еду в Кируну, – продолжила она.

Свен ничего не сказал.

– Что нового у тебя? – спросила она.

– Да ничего.

– Ингрид не видел?

– Вчера да. Она на тебя злится.

– За что?

– За то, что ты ей не перезвонила и вообще не ищешь с ней

встречи.

– О, да! Это трагедия, – усмехнулась Ханна. – Она, что с Тимми поругалась?

– Не знаю.

– Кофе будешь?

– Нет, спасибо. Пора идти, завтра много дел. И так долго тебя ждал.

– Ладно.

– Увидимся в выходные? – спросил он.

– Все может быть, – улыбнулась Ханна. – Пока.

Закрыв двери за Свенем, она выключила свет и в темноте забралась на подоконник. Город светился огнями, машины мчались по дороге, наподобие огненного дракона.

Из динамиков льется музыка. Rammstein. Музыка заполняет весь дом.

Ханна стоит перед зеркалом и сушит волосы. Ей лень долго возиться с феном, поэтому она протирает волосы полотенцем, лишь бы с них вода не капала. Через полчаса выходить на работу. Еще нужно накраситься и одеться. И не забыть выключить музыку.

Голос Тиля и гитара заглушали все звуки. В том числе и телефон. После Ханна обнаружит два пропущенных от Ингрид и один от Свена.

Утром должна играть музыка. Она бодрит лучше кофе. Кофе будет на работе. Музыка там тоже будет, но все же первая утренняя песня задает ритм на весь день. Тем более, что сегодня нужно договориться со сменщицей.

Голос Тиля чуть не срывается. Гитара гудит и, кажется, что струны уже порвались и парят в воздухе.

Ханна готова к выходу. Музыка замолкает.

Мила лениво протирает стойку, когда Ханна входит в бар.

– Привет! – весело говорит она Миле.

– А, привет! Сдаю тебе этот милый бар, – девушка небрежно кидает тряпку на стойку.

– Могла бы и не ждать меня. Йоке еще не пришел?

Йоке напарник Ханны, почти всегда они работают вместе. Он придумал «экслюзив-прайс», а также названия для некоторых коктейлей, так сказать, неофициальные названия. Их профессиональный юмор, развлечение. Йоке невысокого роста, худощавый, всегда в футболке с изображением ка-

кой-нибудь рок-группы и шляпе «а-ля гангста-классика».

– Нет. У меня дело есть к тебе, – Мила подошла ближе.

– О, как! – прищурилась Ханна, снимая пальто. – У меня к тебе тоже.

– Да ты что! – настораживается Мила. – Говори первая.

А то вдруг я тебя шокирую, и ты не сможешь ничего сказать.

– Слушай, мне уже страшно, – шепотом произносит Ханна.

– Так что ты хотела? – говорит Мила.

– Сегодня вечером мне нужно уехать, меня не будет в городе два дня. И я хотела попросить тебя подменить меня.

– Идет! – хлопает в ладоши Мила.

Ханна недоверчиво смотрит на нее.

– Хенсен, ты просто везучая, – смеется она.

– Ладно. А ты что от меня хотела?

– Уже отпала необходимость.

– Что у тебя случилось?

– У меня едет крыша. Во сколько ты сегодня уезжаешь?

– В шесть.

– Ок. Полшестого я приду. Пока. И ничего не говори Йоке и у меня больше ничего не спрашивай. Я же не лезу в твою жизнь.

Мила убежала в комнату для персонала.

– А я ничего и не спрашиваю, – улыбнулась Ханна.

Около полудня Ханна набрала номер Ингрид.

– Привет, Ингрид. Все нормально? – спросила она.

– У меня да. А вот ты куда пропала? – сердито ответила подруга.

– И пропаду еще на два дня.

– С Хольгером? – нарочито томно проговорила она.

– Да, – Ханна никак не отреагировала на ее интонацию.

– И ты еще что-то мелешь про то, что вы просто друзья, – Ханна так и представила скептическую улыбку Ингрид.

– Думай, что хочешь. Как я знаю, ты поговорить со мной хотела?

– Да, так, просто потрепаться, собрать сплетни, – протянула Ингрид.

– У меня нет для тебя ничего интересного.

– Правда? А как же ты и Хольгер?

– Ингрид, лапка, я не буду обсуждать с тобой Хольгера. И себя тоже. И уж тем более себя и Хольгера.

– Монополия на фантазию. Ладно, пока, пойду к Тимми.

– Пока.

Кируна.

Деревянный дом залит светом луны. В большом камине потрескивают дрова. Ханна лежит в кровати, закутавшись в одеяло, Хольгер устроился на диване, он смотрит в окно и курит. Они приехали в Кируну сорок минут назад. Сейчас

глубокая ночь.

Он поворачивается к Ханне и кивает. Она кивает в ответ. Значит все хорошо.

– Спи, – говорит он, снова отворачиваясь к окну.

Ханна некоторое время смотрит в окно, следит за взглядом Хольгера, затем закрывает глаза и засыпает.

Он еще некоторое время лежит, глядя в потолок, в сотый раз отмечая, что рядом с Ханной чувствует себя как в другом мире. С Ханной пугающе просто и спокойно.

– Фрёкен Хенсен, подъем! – будит ее бодрый голос Хольгера.

Ханна улыбается, лениво открывая глаза. В доме прохладно и вылезать из теплой берлоги не хочется. Камин снова топится.

– Вставай, вставай!

– Сколько времени? Доброе утро!

– Семь часов.

– Это фашизм вставать в выходной в семь утра! – протестует она, выбираясь из-под одеяла.

Она встает на пол, чувствует ногами мягкую волчью шкуру.

– Мне жалко этого зверя.

Она садится на кровать и надевает носки.

– Ты это всегда говоришь.

– Потому что мне его всегда жалко.

Хольгер подходит к кровати и убирает шкуру.

– Эй! Оставь, мне холодно, – кричит Ханна, пытаясь поймать край шкуры.

– Тогда не жалей коврик.

Шкурка снова возвращается к ногам Ханны, а Хольгер уходит. Одевшись, Ханна выходит на маленькую кухоньку.

– Бутерброды и горячий кофе, – говорит Хольгер, указывая на стол. – Завтракаем и уходим.

– Куда мы идем? – спрашивает Ханна.

– Увидишь.

Она внимательно смотрит на Хольгера, пытаясь угадать, что он придумал.

– Я тоже хотела тебе кое-что показать. Но забыла листы дома.

– Ничего страшного. В следующую нашу встречу покажешь.

– Хорошо.

Они выходят из дома, на улице легкий мороз.

– Мы идем в лес, – говорит Хольгер, подавая ей лыжи.

– Снова охота на куропаток?

– Посмотрим. В прошлый раз ты не смогла выстрелить в птицу.

– Это оказалось немного сложнее, чем я представляла.

Выстрелить в живое существо сложно. Особенно, в такое беззащитное как куропатка.

– Вегетарианство не начини проповедовать, – усмехается он.

– Нет, я хищник, – улыбается она.

– Даже так?! – смеется он.

– А то ты не знал!

– Сейчас я покажу тебе настоящих хищников.

Он упаковывает ружье в чехол, при необходимости его можно быстро расчехлить. Ханна молча наблюдает за ним, она не спрашивает, зачем он упаковал ружье, хотя в прошлый раз он этого не делал.

– Пошли.

Они идут в сторону леса.

– Иногда ты противоречишь сама себе. В жестокости и жалости. Жалеешь птицу, но не бедных детей Африки, которых спасает твоя мама.

Ханна смеется, это чистая провокация. Хольгера не волнует судьба людей черного континента, да и других отсталых мест тоже.

– А тебе не жалко ни птицу, ни людей? – спрашивает она.

– Жалость само по себе жалкое чувство.

– Дай-ка вспомню умные слова кого-нибудь из великих, –

Ханна картинно хмурится. – Нет, не вспомню.

Хольгер улыбается.

– Расслабься и наслаждайся первозданной, почти перво-

зданной, красотой.

Они встают на лыжи и входят в лес. Хольгер идет впереди, прокладывая лыжню.

– Будь очень спокойна. Никаких восторгов и эмоций, – сухо говорит он. Ханну это настораживает, в таком тоне Хольгера есть нечто пугающее.

– Окей, – тихо говорит она.

Они идут молча. Хольгер время от времени оглядывается на Ханну. Ханна же прислушивается к природе. Она считает, что в Кируне запросто можно услышать то, что неслышимо – энергию природы.

Вдали слышится вой. Ханна от неожиданности вздрагивает, а затем улыбается.

– Они близко, – оборачивается Хольгер.

Ханна молча кивает, сердце начинает биться чаще, мышцы живота сжимаются.

– Иди сюда, – зовет Хольгер.

Она подъезжает и встает рядом с ним.

– Здесь их тропа.

Ханна снова кивает.

Снова вой. Уже ближе.

– Они знают, что мы здесь? – спрашивает она.

– Да.

– Они пройдут тут? Ты уверен?

– Тише.

Ханна переминается с ноги на ногу.

– Я же сказал, тише. Стой спокойно.

Ханна замирает.

В тридцати метрах от них появляется волк. Он крупный, серый, и пристально смотрит на них большими желтыми глазами, не мигая. Он не выражает никаких чувств. Ханна еле дышит, она смотрит на зверя с восторгом и чуть ли не с обожанием, с каким некоторые смотрят на карманных недособачек.

– Как же ты прекрасен, – произносит она одними губами.

Волк делает шаг вперед и кивает. Хольгер смотрит на Ханну, та стоит как вкопанная. Волк оглядывается назад и кивает своей стае, еще раз смотрит на людей и делает прыжок на свою тропу. За ним, мимо Ханны и Хольгера линей бежит стая. Они не смотрят на людей, они следуют за вожаком. Десяток сильных прекрасных зверей пронесся мимо них, не тронув.

– Они великолепны, – выдыхает Ханна, когда волки уходят.

– Да. Совершенны.

Они еще некоторое время стоят и смотрят в ту сторону, куда ушли волки. Ханна закрывает глаза и втягивает морозный воздух. Единение с природой, волками и Хольгером. Сейчас они одно целое. Она чувствует, как сплетаются энергии.

– Ханна, пошли, – голос Хольгера возвращает ее к реальности.

– Ты прервал мою ведьмовскую медитацию, – шутливо обижается она.

– О, прости, надеюсь, боги меня за это не покарают.

Ханна смеется.

– Тише, не тревожь волков.

– Мне кажется, я им понравилась.

– Нет. Они не расценили тебя в качестве десерта, а по-другому ты не могла им понравиться. Они просто посмотрели на нас и оставили жить.

– Но я почувствовала....

– Что?

– Ничего.

– Нет уж, мне интересно, что ты почувствовала.

– Единение с волками и природой. Это на подсознательном уровне, как будто тебя нет в своем теле, но в то же время ты в нем и ты везде. Частички тебя сливаются с волками, деревьями, морозным воздухом...

Хольгер молча кивает. Он соглашается с ней.

До дома они идут в молчании.

Вечером пришло сообщение от Эрики. Пишет, что все хорошо. По-другому и быть не может. Эрика никогда не пишет о тех проблемах, которые возникают в поездках с «Врачами без границ». Она знает, что Ханна зацепится за это, и будет просить вернуться домой и ее аргументы станут весомыми, и их так просто не оспоришь.

Прочитав сообщение, Ханна улыбнулась. Грустно и понимающе.

Завтра они с Хольгером вернутся в Стокгольм. От этого немного грустно.

Ханна читает свое любимое от Стэна Райса:

«Спрячь меня,
От меня.
Скрой мое
Унижение —
Ведь большую
Часть жизни
Толку от меня,
Что от мертвого».

– Что-то не очень весело, – Хольгер подбрасывает дров в камин.

– Не весело. Тебе не кажется, что я живу впустую? Ведь я ничего не делаю, кроме работы, да она мне нравится и все же. И у меня нет цели, нет какой-то мечты. Меня все устраивает. Я ненормальная?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.